

Пролог

Очнулся я от нескольких факторов: от боли в боку и руке, а также от чириканья голосов над собой... или рядом. Никак не могу определиться, сознание плавает.

Я ещё не полностью пришёл в себя, из-за сильной слабости не было сил даже открыть глаза, но уловить, что говорят на неизвестном мне языке, причем это делали явно какие-то малолетки, смог. Тут у меня невольно вырвался стон, и я открыл глаза, разглядев головы двух вихрастых, нечёсанных и грязных мальчишек, что присели рядом и явно снимали с меня одежду. Один держал в руках что-то вроде пиджака, а другой сворачивал рубашку с явными следами крови. Кто-то ещё дергал меня за ногу, и я понял, что лишился обуви, когда моё обнаженное тело приласкал ветерок. Мальчишки, заметив, что я очнулся, спокойно встали и направились куда-то в сторону. Их, кстати, было трое, последний нес обувь, явно мою. Про таких, как я, говорят: «у него фотографическая память». Не знаю, встречу ли я ещё с этими наглыми ворами, обирающими раненых и ослабленных, но я попытаюсь им напомнить о нашей встрече. Лица запомнил.

Мне едва хватило сил, чтобы повернуть голову и увидеть, как они исчезли среди металлолома, ранее явно бывшего какими-то механизмами. Я в этом не особый спец, хотя пилот и со стажем, однако в этих механизмах прослеживалась обтекаемость летных аппаратов, но вот уж больно они были большими и незнакомыми. Какими-то неземными, я бы сказал.

Вокруг был мусор — и, судя по тому, что во многих местах что-то острое впивалось мне в тело, я на нём и лежал. Сознание по-прежнему плавало, и я никак не мог сосредоточиться, всё было непривычно, но какая-то странность явно ускользала от моего сознания. Наконец я сообразил поднять голову и посмотреть на небо, вернее на красно-жёлтое солнце. Не знаю,

где находился, но я явно был не на своей родной планете. Да и последнее, что я помнил, перед тем как очнуться здесь, давало понять, что мне дали ещё один шанс.

Голову было трудно держать, и я уронил её на грудь. То, что это было не моё тело, то есть не пятидесятитрёхлетнего крупного мужика, а костлявого мальчишки лет десяти на вид, я встретил с некоторым безразличием, сил удивляться просто не было, после чего потерял сознание.

Осторожно выглянув, я быстро осмотрелся. Так называемая «улица» между остовами летательной техники была пуста, только ветер трепал изодранный пакет, зацепившийся за выступ на корпусе чего-то остроносого со срезанной кормой. Понять, что это ранее было, трудно, вся эта техника, включая наземную, — я видел раздавленные грузовики в завалах — лежала в несколько рядов. Например, на этой улице высота доходило до сорока, а где-то и до пятидесяти метров. Однако как ни крути, вся она была мне незнакома, и определял я её наугад. Например, огромный остов мог принадлежать только судну, ранее бороздившему просторы вселенной. Вычислил я это просто. Для воды обтекаемость не та, да и киля не было. Чтобы в воздух такую махину поднять, это постараться надо, но вот когда я заметил на корме дюзы, а на бортах места для оружейных башен, всё как-то быстро встало на свои места.

Вчера, когда очнулся в новом теле, первое время я старательно приходил в себя и проверял состояние тела. Травмы были довольно серьёзные, тем более без надлежащего медицинского ухода. Руку и бок мне разбороздило что-то острое, причём глубина и рваные края ран были схожи. Кровь уже не текла, хотя, судя по общей слабости, потерял я её изрядно, но сукровица ещё сочилась. Мне понадобился час, чтобы собраться с силами и попытаться встать. При этом приходилось контролировать каждое движение. Причина проста, ранее я был верзилкой, чуть-чуть недотягивая до двух метров, а тут мальчишка, который даже до полутора метров не вытянулся, хотя где-то был близко. Может даже метр тридцать.

Скрипя и хрустя мусором, я встал на ноги и понял, что это для тела не привычно, острые края разного мусора сразу же впились в нежные подошвы. Боль я чувствовал всюду, и на руке, и на боку, и на подошвах, это ободряло. Живой. Когда

ты уходишь из жизни по своей воле из-за трагической ошибки планирования, можно сказать из-за случайности, то второй шанс открывает дорогу к жажде жизни. Поэтому, несмотря на желание тела где-то прилечь и умереть от слабости, обезвоживания и сильной кровопотери, я усилием воли заставлял себя двигаться. С каждым движением я ощущал тело всё лучше и лучше, хотя оно всё равно напоминало состояние, как будто руку или ногу отсидел. Очень похоже. Но, к счастью, всё это довольно быстро проходило.

Подняв голову и шатаясь от слабости, я посмотрел на темный покаты́й бок летательного аппарата, в тени которого лежал до этого. На этой части механизма, над тем местом, где я лежал, был ясно виден след крови на покатой броне. Видимо, моё новое тело скатилось сверху, зацепилось тут за загогулину, что пропорола мне бок с рукой, и упало на кучу мусора, где меня и обнаружили мелкие падальщики. Вот что странно: выше этого аппарата ничего не было, получается, что меня скинули на него, и я безвольной тушкой скатился на землю с некоторыми повреждениями. За то время, что находился в сознании в этом теле, я немного пришёл в себя. Я как-то быстро стал считать его своим. В той жизни я подходил к порогу старости, тут же мне дали новое юное тело... Думаете, я просто так дам себя его лишить? Фиг, я выживу назло всем!

Что было дальше, описать несложно, шатаясь, на подгибающихся ногах, я стал уходить с открытой местности, где лежал, к одному из проходов. К сожалению, эта лежка просматривалась с трех сторон. Между этими грудями мусора и механизмов были протоптаны тропинки, вот я и свернул в ближайшую. Когда тропинки закончились, и на пыли и мусоре не стало других следов, я свернул к остову чего-то большого и тарелкообразного, то продолжая хрустеть, только уже не мусором, а неизвестной мне травой и кустарником. При приближении я обнаружил валявшуюся в траве некую большую деталь, предположительно часть брони, причём вогнутую часть брони. Вот в этой вогнутости я и заметил скопившуюся дождевую воду.

Слабость у меня была сильная, но трезвости рассудка я не терял, и мысли были довольно чистыми. Похромав к этому импровизированному тазику, я присел на колени и, продолжая зажимать одной рукой рану на боку, другой, не пострадавшей, осторожно зачерпнул воды ладонкой и попробовал на вкус

языком. Вроде вкусовые рецепторы показали, что это обычная вода. Никаких примесей я не почувствовал. Судя по следам, тут часто появлялась вода после дождей и испарялась, остались контуры на металле, так что я зачерпнул больше и сделал глоток, давая живительную влагу своему обезвоженному организму. После этого я осторожно промыл водой раны и, поднявшись с колен и продолжая хромать из-за изрезанных подошв, зашёл внутрь привлекшего моё внимание аппарата, благо открытый проем присутствовал, к тому же он находился на высоте полуметра. На последних силах пройдя вглубь, я запнулся обо что-то напоминающее полиэтилен и упал. На ощупь завернувшись в него, я почти мгновенно уснул. Сознание погасло, как вырубил. По-видимому, организм полностью отдал все силы на этот переход.

Вот утро встретило меня неласково, болело всё что можно. Но это меня только радовало. Жив — и это главное. Вчера я ушёл от того места где впервые пришёл в сознание, метров на четыреста, дальше уйти просто сил не было, и если кто-то захочет меня найти, то по следам крови от изрезанных ног это будет сделать не трудно, поэтому вся моя сущность кричала: нужно менять временное убежище и искать что-нибудь понадежнее.

— Да и попить не помешает, — прохрипел я, с трудом ворочая распухшим языком.

Вот ещё одна странность. Ладно, с координацией движения я справился быстро и шагал достаточно ловко по мере крохотных сил, то есть с телом освоился, благо опыт есть, но то, что за всё время, будучи в сознании, я так и не обратил внимания на строение своих зубов и челюсти, то есть не привычное мне, вот это был казус. Вон, я даже не заговорил ни разу для пробы, только одна мысль была в голове — уйти подальше. А заговорить только сейчас попробовал. Что ж, не голос, а карканье какое-то.

Открыв глаза, я с облегчением убедился, что всё ещё в детском теле и реальность вокруг настоящая. Да и боль это подтверждала. К тому же выяснилось, что у меня ещё синяки по всему телу. Вон у левого колена вообще гематома на полноги. Вчера не чувствовал, но сегодня это болело всюю.

Шурша полиэтиленом, с кряхтением привстал на ноги и с интересом осмотрелся, осторожно крутя тяжелой головой.

Вчера, пока я шёл этими железными и стальными катакомбами, то двигался больше на автопилоте, мало обращая внимания на действительность. Сейчас же, несмотря на продолжавшуюся слабость, у меня появилось острое желание жить. Поэтому осмотрелся я не только с интересом, но и с некоторой настороженностью. Мало ли тут всяких ушлепков.

Судя по проникающим внутрь аппарата свету и лучам солнца, снаружи явно был день. Да и пустой живот это подтверждал, я наверняка пролежал тут сутки, так как в прошлое своё пребывание в сознании голода не чувствовал. Как бы то ни было, но снаружи было светло, и через проемы в помещение, или вернее отсек неизвестного мне судна, проникал свет, позволяя мне осмотреться. Что тут говорить, ветер закидал внутрь песок и мусор, в основном из того, что было лёгким, из пакетов и других материалов, поэтому полиэтилен, которым я заворачивался, сразу привлек моё внимание.

Он был тяжел, значит, его сюда принесли, и он был полузасыпан. С трудом нагнувшись, я смог выдернуть полиэтилен из-под слоя песка. Надежда не оправдалась, тайника там не было. Завернувшись в полиэтилен, — он был обрезан небольшим куском, но мне хватило с лихвой, — я вышел, даже скорее проковылял наружу и, подойдя к бадье с водой, снова попил, после чего осматриваясь двинулся дальше. Нужно было сменить убежище, мало ли. Привычка жить в одиночку и мало показываться на людях была у меня в крови. Да и в профессии прошлой жизни она пригодилась. В прошлой жизни в течение двадцати трех лет я был наемным убийцей экстра-класса, работая по всему голубому шару, что назывался Землей.

Далеко я не ушёл, буквально через сто метров наткнулся на тропинку, что и вывела на эту улицу, которую в данный момент я настороженно рассматривал. Вроде никого нет. Мне требовалось перебраться на другую сторону. Потому что в той стороне, куда я направлялся, были отчетливо видны три столба дыма, что уходил вертикально вверх. Ветра сегодня не чувствовалось, поэтому столбы были прямые. Только на высоте изгибаясь, уходили в сторону.

После того как убедился, что «улица» пуста, я осторожно перебрался через остов какой-то рухляди и скатился на землю по ее покатому боку. Но, к сожалению, зацепился полиэтиле-

ном за какой-то выступ и снова остался нагишом, причём не удержавшись упал на задницу. Больно.

В это время я услышал приближающийся незнакомый свист, это придало мне сил встать и дёрнуть за край полиэтилена, содрать его с подлой закорюки. Убежать я не успел, да и сил уже не осталось. Буквально в паре метров от меня завис на месте в метре от земли какой-то летательный аппарат. Не знаю, на антиграве или другой фигне, но похоже. В открытой кабине сидели двое и с удивлением смотрели на меня. Вдруг водитель зло оскалился и стал что-то делать, тут меня скрутило судорогой и бросило на землю. Тело было полностью парализовано, но я всё ещё находился в сознании.

Неизвестные, разговаривая на незнакомом мне языке, похожем на тот, на котором трещали мальчишки, подошли ко мне и осмотрели. Причём водитель кривился, рассматривая раны. Они о чём-то поговорили, покачали головами и, взяв меня за руки и ноги, бесцеремонно закинули в кузов. Стало ещё больнее. Уроды, я всё чувствовал, но так и не мог пошевелиться.

* * *

— Принц! — окликнул меня дежурный по этажу.

Обернувшись, я внимательно посмотрел на него. Сегодня у меня знаменательный день, который я довольно долго ждал, поэтому был несколько на взводе. Такое слегка незнакомое чувство неопределённости.

Принц — это моё прозвище в приюте. «Принц со свалки», так меня сначала величали за высокомерность и отчуждённость, но потом сократили до Принца. Я всегда был отшельником, не пропуская в свою скорлупу других людей. Особенно женщин. Мои отношения с ними всегда были мимолётными и недолговечными. Так же я вел себя и тут, вот это прозвище ко мне и прилипло. На Земле у меня было прозвище Князь, видимо, судьба такая — носить прозвища с дворянскими корнями.

Дежурный был из второй возрастной группы приюта, то есть со дня на день им тоже исполняется шестнадцать лет и они покинут стены ненавистного приюта. Но это их проблемы, я же с удовольствием займусь основной подработкой, которой занимался последние пять лет с момента попадания в это тело.

— Что? — спросил я, слегка угрожающе показав зубы. Была у меня такая привычка ещё в той жизни, и в этой, похоже, она была также неистребима.

— Борт велел прийти к нему, после того как получишь удостоверение. Он о чём-то хотел поговорить с тобой.

— Я ему не собачка бегать по первому же вызову. Надо, пускай сам меня ищет, — хмуро буркнул я и, развернувшись на каблуках ботинок, направился вниз по лестнице в холл, чтобы покинуть здание приюта. Жаль не навсегда, мне ещё предстояло вернуться.

Выйдя на улицу, я направился в сторону станции монорельса. Мне требовалось попасть в здание корпорации «Нейросеть», где я собирался получить временное удостоверение личности с которым, наконец, смогу нормально устроиться на работу.

Думаю, пока есть время, тут до станции пешком минут двадцать идти по тенистой алее, можно рассказать, кто я такой и как попал на эту планету, бывшую мусорку, в данное время ставшую курортной зоной. Забавное переориентирование? Но так оно и было, чуть позже я проясню, как так получилось.

Сперва о себе. Особо рассказывать не хочется. У меня за жизнь было множество имен и фамилий, но первоначальная — Олег Сумцев. Ну что я могу рассказать? Обычная советская семья, садик, переезд в Москву, школа, армия. Служил я в артиллерии, корректировщиком. Зацепил конец Афгана. Потом гражданская жизнь, перестройка и всё остальное. В девяносто третьем я повстречался со школьным другом, который искал работника не совсем законного труда. Он был бригадиром одной из московских ОПГ. Не знаю, почему я предложил ему свои услуги, тогда мне было просто скучно, но сейчас я понимаю, что мне не хватало драйва. Отработал, получил деньги, а затем отработал своего друга, который хотел меня убрать, зачистить, так сказать, свидетеля. Потом было множество заказов, включая ближние страны бывших советских республик, пока я не вышел на мировой уровень, благо большую часть денег тратил на своё совершенствование. Я не говорю, что работа мне эта нравилась, я просто делал то, что хорошо умел. Нашёл бы работу по душе, без сомнений сменил бы профессию, но я так её и не нашёл. Последний мой заказ был самый жирный. Десять миллионов евро. Требовалось убрать одного украин-

ского конфетного олигарха. Платили за быстроту, я тогда решил уйти на покой, и эта сумма вполне подходила для моих целей. Но работать пришлось на грани фола. Может, я постарел и потерял хватку, всё-таки пятьдесят три, но после того как я исполнил работу, при отходе меня зацепил снайпер охраны. Seriously зацепил, я залег в каком-то тупике и, когда слышались шаги, понял, что другого выхода у меня не осталось, и, приставив ствол к виску, спустил курок. Короче, лоханулся я с тем заказом, не надо мне было его брать, но хоть не стыдно перед заказчиком, уйти не смог, но цель уработал стопроцентно. Теперь не будет конфетный магнат портить людям жизнь.

Дальше очнулся в теле мальчишки... После того как я провалился во время последнего заказа, чувства как-то перегорели, и те первые два дня я был как на автомате, но неистребимое желание действовать вернуло меня к жизни. Потом меня обнаружили служащие утилизационного комбината и передали администрации. Те уже вызвали сотрудника приюта, провели проверку и по ДНК выяснили, что я не только не приютский, но даже и не числюсь жителем планеты и империи. В принципе благополучные граждане империи Люмер проходили регистрацию на ДНК в шестнадцать лет при получении временного удостоверения личности. Приютские же, которые тайком бегали на территорию утилизации техники, проще говоря свалки, все были запротоколированы. Короче говоря, тело моё ни в каких базах не значилось.

Как позже выяснилось, работники, что меня нашли, из-за этого известия потом очень расстроились. Империя Люмер была продвинутым государством, но некоторые законы в ней были, на мой взгляд, аморальными. Это я про узаконенное рабство. Вот служащие, узнав, что меня можно было спокойно зарегистрировать как раба одного из них, а потом продать, то есть заработать лишнюю копеечку, очень огорчились. Они-то приняли меня за приютского. Но это ладно, чуть позже я с ними повстречался, правда это совсем другая история. Я потом их служебный транспорт долго продавал через третьи лица... Н-да, опять отвлёкся. Так вот пробив меня по базам, даже полицейских вызвали, выяснилось, что я нигде не значусь, более того, разговариваю на незнакомом языке. Меня, не спрашивая моего разрешения, зарегистрировали гражданином империи, взяв образец ДНК, и устроили в приют. С языковым

барьером тоже проблем не встало, после врачей, которые излечили раны в капсуле, даже шрамы исчезли, отвели меня в небольшую комнатку, где было три кресла вроде парикмахерских с сушилками для головы. Посадили в одно, подрегулировали по высоте и включили. Почти сразу я отрубился.

Очнулся, похоже, на следующий день в комнате, где было четыре кровати. Все пустые. Рядом на стуле была сложена одежда. Майка, рубашка, штаны, белье и носки с ботинками. Обычная.

Чувствовал я себя на удивление хорошо, но на всякий случай этого явно не показывал. Местные меня настораживали. Когда я сел и осмотрелся, дверь в комнату ушла в сторону. Через порог переступил слегка бледный и худой мужчина в свитере с высоким воротом. В водолазке, если по-земному.

— Очнулся? — спросил он, с интересом посмотрев на меня.

Я не ответил, анализируя ситуацию. Она меня несколько удивила, даже озадачила, так как я понял, что он сказал, хотя этого языка до этого момента не знал.

— Ты меня понимаешь? — спросил неизвестный.

— Д-да, — не уверенно ответил я.

— Это хорошо. Я дежурный наставник Каая Рун. Ты находишься в приюте для мальчиков в городе Солнте, на планете Гурия, в империи Люмер. Тебя обнаружили работники перерабатывающего комбината на своей территории и, приняв за одного из наших воспитанников, вызвали нашего сотрудника, который и доставил тебя сюда. Мы проверили все базы, но ничего не смогли выяснить. В поисковых базах полиции ты также не числишься. Поэтому вопрос у администрации приюта такой: кто ты?

— Я не помню, — неуверенно ответил я. Это был самый логичный ответ в моей ситуации, и я им воспользовался.

— Ничего страшного, бывает и такое. В случае если тебя ищут родственники, то быстро найдут и заберут из приюта... Теперь ответь мне на несколько вопросов. Сколько тебе лет, мы знаем благодаря медикам. Тебе одиннадцать лет и два месяца, но вот хотелось бы знать имя и фамилию.

— Я не помню, — повторил я.

— Ничего это поправимо, — улыбнулся наставник.

Через час я был зарегистрирован в приюте под данными Ворга Трена. Половина приютских носили фамилию Трен, это